

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЖУКОВСКИЙ

Исследования и материалы

Выпуск 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2010

УДК 821.161-1
ББК 83.3(2Рос-Рус)1
Ж86

Редакторы:

А.С. Янушкевич, д-р филол. наук,
И.А. Айзикова, д-р филол. наук

Издание осуществлено в рамках проекта № 1053 «Текстология русской классической литературы: изучение и издание творческого наследия В.А. Жуковского» при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)»

Жуковский: Исследования и материалы. – Томск: Изд-во
Ж86 Том. ун-та, 2010. – Вып. 1. – 544 с.

ISBN 978-5-7511-1944-7

В первом выпуске настоящего издания рассматриваются проблемы современного изучения творчества В.А. Жуковского: природа его жизнестроительства, своеобразие творческой манеры, характер рецепции его наследия, а также представлены результаты изучения архивов и поиска новых материалов.

Для филологов, а также всех интересующихся творчеством поэта.

УДК 821.161-1
ББК 83.3(2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-7511-1944-7

© ГОУ ВПО «Томский государственный университет», 2010

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

I. Статьи

<i>Хомук Н.В.</i> (Томск). Бидермайер в творчестве В.А. Жуковского 1830–1840-х гг. ... 7	
<i>Янушкевич А.С.</i> (Томск). Петербургский текст в творческом наследии В.А. Жуковского	46
<i>Айзикова И.А.</i> (Томск). Переписка В.А. Жуковского и А.С. Стурдзы – эгодокумент русской культуры и общественной жизни 1830–1840-х гг.	57
<i>Киселев В.С.</i> (Томск). «Илиада» в переводе В.А. Жуковского (творческая история, текстология, эстетика)	88
<i>Симанков В.И.</i> (Харьков). Из разысканий о журнале «Вестник Европы» (1808–1810 гг.): Сочинения В.А. Жуковского в прозе	106
<i>Глаголева О.Е.</i> (Торонто, Канада). «Кто ж родные?» Роль семьи Протасовых в жизни и творчестве В.А. Жуковского и Н.М. Карамзина	126
<i>Матяш С.А.</i> (Оренбург). Вольные ямбы Жуковского и Пушкина	149
<i>Николова М.</i> (София, Болгария) Первое издание произведений В.А. Жуковского на болгарском языке	171
<i>Вяткина И.А.</i> (Томск). Французский язык эпистолярного наследия В.А. Жуковского	179
<i>Белоногова Е.С.</i> (Томск). «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского в английских переводах	196
<i>Щербакова О.В.</i> (Томск). Творческая история, поэтика и проблематика перевода баллады Ф. Шиллера «Der Taucher» В.А. Жуковским	212
<i>Никонова Н.Е.</i> (Томск). В.А. Жуковский и его немецкие друзья: Х.А. Тидге	232
<i>Реморова Н.Б.</i> (Томск). Н.В. Берг и В.А. Жуковский: К проблеме литературных взаимоотношений	245
<i>Казаков А.А.</i> (Томск). В.А. Жуковский в творческом сознании Ф.М. Достоевского: от идеала до гротеска	252
<i>Анисимова Е.Е.</i> (Красноярск). В.А. Жуковский как «Василий Афанасьевич Бунин»: Жуковский в сознании и творчестве И.А. Бунина (от ранних переводов к «темным аллеям»)	257
<i>Фризман Л.Г., Писарева О.А.</i> (Харьков). Романтизм и Жуковский в оценках Горького	271
<i>Жилякова Н.В.</i> (Томск). Чествование памяти В.А. Жуковского (по материалам томской дореволюционной периодики 1902 г.)	285
<i>Ходанен Л.А.</i> (Кемерово). Мотивы и образы народной колыбельной песни в динамике лирических жанров русской поэзии 1820–1830-х гг.	312

<i>Димитрий Долгушин, священник</i> (Новосибирск). «Кончина Жуковского, кончина праведника...» (кончина В.А. Жуковского в свидетельствах протоиерея Иоанна Базарова, Е.А. Жуковской и Х.Х. Рейтерна)	322
--	-----

II. Материалы и публикации

<i>Вуич Л.И.</i> (Москва). Уткинский архив сегодня	351
<i>Янушкевич А.С.</i> (Томск). Пародийное собрание сочинений В.А. Жуковского	381
<i>Лебедева О.Б.</i> (Томск). Неопубликованные драматические произведения В.А. Жуковского (конспект трагедии А. Мюльнера «Вина» и фрагментарный перевод комедии К. Гольдони «Ворчун-благодетель»	393
<i>Березкина С.В.</i> (Санкт-Петербург). Жуковский в делах Опекунского совета и имуществом Пушкина	414
<i>Кочеткова Н.Д.</i> (Санкт-Петербург). Письмо В.А. Жуковского и С.Е. Родзянки к И.П. Тургеневу	442
<i>Киселёва Л.Н.</i> (Тарту). Эпизод из переписки, или К истории одного посвящения: Жуковский и его царственные ученицы	444
<i>Жилякова Э.М.</i> (Томск). Письма Д.П. Северина В.А. Жуковскому	460
<i>Петров А.В.</i> (Томск). Два письма А.Я. Булгакова В.А. Жуковскому о смерти Гоголя	510
<i>Назимова В.Ш., Шлегель Д.</i> (Баден-Баден, Германия). Память и памятник: К открытию бюста В.А. Жуковского в Баден-Бадене	516
Указатель имен	522
Указатель произведений В.А. Жуковского	538

Е.Е. Анисимова

**В.А. ЖУКОВСКИЙ
КАК «ВАСИЛИЙ АФАНАСЬЕВИЧ БУНИН»:
ЖУКОВСКИЙ В СОЗНАНИИ И ТВОРЧЕСТВЕ
И.А. БУНИНА (ОТ РАННИХ ПЕРЕВОДОВ
К «ТЕМНЫМ АЛЛЕЯМ»)**

Личность и творчество В.А. Жуковского знаменовали для И.А. Бунина не только начало русской классической литературы, но также были и неотъемлемой частью личной мифологии автора «Жизни Арсеньева», в контексте которой Жуковский наделялся ролью своего рода «первопредка». Бунин гордился своим кровным родством с «первым русским романтиком»¹ и не раз сетовал на то, что лишь по нелепой случайности поэт носил фамилию Жуковского, а не Бунина, причем в своей семейной связи с автором «Певца во стане русских воинов» Бунин отчетливо выделял аспект наследственности: «Писателем я стал, вероятно, потому, что это было у меня в крови: среди моих дальних родичей Буниных было не мало таких, что тяготели к писательству, писали и даже печатали, не приобретя известности, но были и такие, как очень известная в свое время поэтесса Анна Бунина, был знаменитый поэт Жуковский, сын тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки, получивший фамилию своего крестного отца Жуковского только потому, что был он сыном незаконным. Я еще мальчиком слышал много рассказов о нем в нашем доме»². На протяжении всей своей жизни писатель возвращается к этой мысли, которая становится лейтмотивом его размышлений о Жуковском. Так, уже в эмиграции, вспоминая о беседах с Буниным, А.В. Бахрах пишет: «Он никак не мог примириться, что незаконный сын его деда от турчанки Сальмы (Сальхи. — Е.А.) носит не имя Василия Афанасьевича Бунина, а по крестному — Василия Анд-

---

¹ См.: Пчелов Е.В. Род Буниных в российской культуре и науке // И.А. Бунин и русская культура XIX–XX веков: Тез. междунар. науч. конф., посвященной 125-летию со дня рождения писателя (11–14 октября 1995 г.). Воронеж, 1995. С. 3–4.

² Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина: Беседы с памятью. М., 1989. С. 188.

реевича Жуковского. “А ведь не были бы придуманы “нелепые” узаконения, был бы поэт Буниным”, – приговаривал он¹.

Одновременно с семейным преданием Бунин с раннего детства от матери (она была, как и муж, из рода Буниных) впитывал поэзию Жуковского, читавшуюся «по-старинному нараспев»². В юности, избрав для себя судьбу поэта, основным принципом для себя Бунин делает афоризм Жуковского. 29 декабря 1885 г. он записывает в дневнике: «Но, может быть, именно более всего святое свойство души любовь тесно связано с поэзией, а поэзия есть Бог в святых мечтах земли, как сказал Жуковский (Бунин, сын А.И. Бунина и пленной турчанки)»³. Эту финальную строку «Камозанса» он любил повторять и в дальнейшем – в «Жизни Арсеньева», записях нобелевских дней.

В сознании художника, живо интересовавшегося своими корнями, раздумья о Жуковском соединяются с мыслями о своем происхождении и вообще наследственности как о решающем факторе человеческой жизни⁴. Образ Жуковского подключается к этому интересу в 1910 г., во время размышлений над анкетой Ф.Ф. Фидлера, составившейся для книги «Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей» (М., 1911). Первый вопрос анкеты формулировался так: «Наследственность (прямая или атавистическая) писательского дара. Любовь к литературе и степень начитанности того или другого из родителей»⁵. В письме Фидлеру от 12 октября 1910 г. Бунин отвечает: «Наследственность, м<ожет> б<ыть>, сказала. Была в нашем роду поэтесса (Анна Петр<овна> Бунина), Жуковский из нашего рода. (Но какова степень их родства с нами, – не знаю)»⁶. Именно с этого времени в текстах писателя появляется устойчивый мотив наследственности: «Суходол» (1911), «Петлистые уши» (1916), «Дело корнета Елагина» (1925), «Зойка и Валерия» (1940) – характерные вехи в развитии этого мотива.

¹ Бахрах А.В. Бунин в халате. М., 2000. С. 174.

² Муромцева-Бунина В.Н. Указ. соч. С. 27.

³ Там же. С. 60.

⁴ Об интересе Бунина к этим темам см.: Карпенко Г.Ю. Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. Самара, 1998. С. 61-90.

⁵ Бунин И.А. Письма 1905-1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2007. С. 551.

⁶ Там же. С. 151.

Рецепция Жуковского в перспективе наследственности распадается на несколько составляющих. Так, обращает на себя внимание определенная «ориентализация» образа поэта. «Восточное» в Жуковском и «вопросы крови» нашли отражение, с одной стороны, в переводческой деятельности Бунина, определив принципы отбора материала, с другой стороны, в «турецком» комплексе мотивов его прозы, к которому писатель прибегает весьма часто.

Начиная свою литературную карьеру, Бунин обращается не к современникам, а к авторам, интересовавшимся в свое время именно Жуковского-переводчика. Во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. Бунин переводит два текста, традиционно ассоциирующихся в русской культуре с именем Жуковского: «Лесного царя» И.В. Гёте и отрывок из «Лаллы Рук» Т. Мура. Эта последовательность тем более показательна, что, по своему собственному признанию, Бунин мог переводить далеко не все¹. Позднее писатель задумал написать статью о Жуковском и 8 мая 1901 г. сообщил брату Юлию Алексеевичу: «Поклонись Николаю Федоровичу (Михайлову. – Е.А.) и спроси его, не возьмет ли он у меня осенью статью о Жуковском. Ты знаешь, как я его люблю. Пожалуйста, спроси его об этом и напиши мне»².

Балладу Гёте Бунин переводит в 1886 г., а отрывок «Из сказки “Солнце гарема” Т. Мура» публикует в своей первой напечатанной книге «Стихотворения 1887–1891 гг.» (1891)³. И хотя этим первым переводам писатель отводил роль «ученических» и не стремился их перепечатывать, тем не менее свою историко-литературную преемственность он ими достаточно четко обозначил. Позднее писатель так сформулирует отношение к собственным переводам и переводческой деятельности Жуковского: «Я хороший стихотворец и, – простите! простите! – замечательный переводчик (не хуже Василия Афанасьевича Бунина, ставшего волею судьбы Василием Андреевичем Жуковским)»⁴. Талант переводчика, по мнению Бунина, заклю-

¹ См.: Бабореко А.К. И.А. Бунин о переводах // Мастерство перевода. М., 1968. С. 375.

² Бунин И.А. Письма 1885-1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. М., 2003. С. 374.

³ Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. М., 1982. Т. 91. С. 783.

⁴ И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелев, Р. Дэвис. М., 2004. С. 521.

чался прежде всего в чутье своего языка: «<...> чтобы переводить, надо чувствовать русский язык. Если нет чутья, то нечего и браться за переводы»¹.

Переводческая рецепция европейских источников Жуковского становится следующим этапом в осмыслении миссии поэта после пассивного усвоения его творчества – через семейные предания, чтение его поэзии, фиксацию в дневнике понравившихся строк. Обратимся к бунинскому переводу «Лесного царя» (“Der Erbkönig”) Гёте. Отметим, что произведение было знакомо Бунину прежде всего по переводу Жуковского 1818 г.², ставшему классическим. Более того, в истории сопоставлений этого перевода с немецким источником сложилась традиция рассматривать первый как самостоятельное произведение (П. Загарин, М. Цветаева). Как и у Жуковского, бунинский перевод немецкой баллады является точным³. При этом характерно, что имеющиеся отступления от оригинала Бунин повторяет вслед за «первым русским романтиком». Он полностью воспроизводит стиховой рисунок баллады Жуковского, переводя «Лесного царя» четырехстопным амфибрахией с мужской парной рифмовкой (в немецком оригинале – дольник). В бунинский перевод попадают слова, отсутствующие у Гете и имеющиеся у Жуковского, например, «запоздалый» – «опоздалый»; «греет» – «греет». И у Бунина, и у Жуковского исчезает “Meine Mutter”, мать Лесного царя, трансформируется образ самого Лесного царя в сторону антропоморфизации демонологического образа⁴. Так, фразу “mit Kron und Schweif?” («с короной и хвостом») переводчик изменяет вслед за своим предшест-

¹ *Бабореко А.К.* И.А. Бунин о переводах. С. 382. Чутье языка навсегда остается для Бунина критерием писательского таланта. Так, уже во второй половине 1940-х гг., знакомясь с «житийным» романом Б.К. Зайцева «Жуковский», Бунин отмечает все словоупотребления, недопустимые для описания «первого русского романтика». 18 июня 1948 г. он пишет Г.В. Адамовичу: «Прочел в “Русской мысли” очередной отрывок из книги Зайцева о Жуковском. На этот раз о путешествии по России Жуковского с Наследником престола, Александром II. Путешествовали так: “На станциях подзакусывали и дальше. Жуковский больше действовал по пирожкам”» (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 85).

² *Литературное наследство.* Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 221.

³ Об этом см.: *Кен Л.Н.* Ранние переводы Бунина из немецкой поэзии // Бунинский сборник (материалы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения И.А. Бунина). Орел, 1974. С. 144-155.

⁴ Подробнее об этом см.: *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 3: Баллады. М., 2008. Коммент. С. 362.

венником, заменяя хвост бородой: «в темной короне, с густой бородой» – у Жуковского, «с бородой и в короне» – у Бунина. «Лесной царь» юного Бунина больше напоминает подражание переводу Жуковского, нежели самостоятельный текст.

Следующий перевод, осуществленный «по следам» Жуковского, – это отрывок из поэмы «Лалла Рук». Для Бунина не было секретом то, что поэзия Мура вошла в русскую культуру благодаря Жуковскому. М.П. Алексеев отметил, что начавшаяся с Жуковского история рецепции Мура заканчивается Буниным, перевод которого, по словам исследователя, интересен как финал этой традиции¹. Второй «жуковский» перевод Бунина представляет собой несколько более самостоятельное явление. Писатель независим как в выборе метрики и ритмики, так и в избрании конкретного отрывка для перевода. На этот раз Бунин заинтересовал не построчно переведенный предшественником текст, а фрагмент, образы которого имели для «русского балладника» сакральный интимный смысл и стали источником его оригинальных произведений.

«Восточная повесть» стала для Жуковского не только объектом перевода, но и источником вдохновения для целого цикла стихотворений, неотъемлемой частью его житнетекста. Поэт переводит вторую вставную поэму “Paradise and the Peri” (в варианте Жуковского – «Пери и ангел») в 1821 г. непосредственно под впечатлением от берлинского театрализованного праздника в честь русской великокняжеской четы, в свите которой он находился. Жуковский создает в переписке и дневниковых записях особую «философию Лаллы Рук», выпускает рукописный журнал «Лалла Рук», использует сюжет и мотивы поэмы в стихотворениях «Лалла Рук» (1821), «Явление поэзии в виде Лаллы Рук» (1821), «Пери» (1831), «Песнь бедуинки» (1831), «Мечта» (1831), а за Александрой Федоровной с легкой руки поэта закрепляется поэтическое прозвище «Лалла Рук»². Именно в этом контексте рождается знаменитый образ «гения чистой красоты»: сначала в письмах Жуковского, затем в его стихотворении «Лалла Рук» и, наконец, в пушкинском посвящении А.П. Керн.

Бунин переводит начало четвертой вставной поэмы «восточной повести» – “The light of the Haram” («Свет гарема»), несомненно

¹ См.: *Алексеев М.П.* Указ. соч. С. 783.

² Подробнее об этом см.: Там же. С. 657-675.

выделив эту тему в качестве классической метафоры Востока¹. К этой части «Лаллы Рук» Жуковский обращался неоднократно: 14 (26) января 1821 г. поэт переписывает на страницах дневника 32 начальных стиха «Света гарема»², в 1831 г. под названием «Песнь бедуинки» переводит «Романс Нурмагалы» С.Г. Шпикера, исполняемый героиней «Света гарема»³, в 1843 г. пишет посвящение к поэме «Наль и Дамаянти», варьирующее образную и стиховую структуры «Света гарема»⁴.

Переведенные Буниным строки полностью посвящены описанию долины Кашемира – образу, имевшему для Жуковского принципиальное значение. Знал ли Бунин или интуитивно почувствовал важность этого образа для своего предшественника, остается только догадываться, но «восточный» аспект бунинского интереса к Муру, а через его тексты – к Жуковскому просматривается все более явно. Символика Кашемира, обусловленная чувством к М.А. Протасовой и являющаяся своего рода «тайным языком» обоих, возникает в письмах Жуковского в 1814–1815 гг. (за три года до издания поэмы Мура). Воображаемое восхождение на гору Кашемира стало для влюбленных синонимом сильного взаимного чувства и долгожданного личного счастья⁵. Вероятно, именно эта ассоциация способствовала столь внимательному отношению Жуковского ко всему, что связано с этим символическим пространством (в том числе и к поэме Мура). Кашемир – реальность восточной географии – становилась знаком судьбы Жуковского. Именно в образе недостижимого Кашемира соединились два ключевых сюжета его биографии, создающие своего рода парадокс. С одной стороны, незаконнорожденность Жуковского исключала его из рода Буниных и заставляла носить чужую фамилию, а с другой – именно принадлежность к семье Буниных стала основанием для запрещения брака с М.А. Протасовой, принадлежавшей к этому же роду.

¹ Своеобразный «русский гарем» был устроен в своем имении отцом Жуковского – А.И. Буниным. Его законная жена Марья Григорьевна была склонна обвинять в любовной связи именно мужа, а не выросшую в полигамной культуре турчанку Сальху, с которой она позднее очень сблизилась.

² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 4: Стихотворные повести и сказки. М., 2009. Комментарий. С. 405.

³ Алексеев М.П. Указ. соч. С. 672.

⁴ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 4: Стихотворные повести и сказки. Комментарий. С. 410.

⁵ Подробнее об этом см.: Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. Комментарий. С. 597–598.

Закономерно, что следующим этапом рецепции Жуковского в бунинском творчестве становится включение очерченного блока мотивов, перерастающих со временем в своего рода археосюжет, в оригинальные произведения. В процитированных выше фрагментах легко заметить, что всякий раз, упоминая о незаконнорожденности Жуковского, Бунин уточняет, что его матерью была пленная турчанка. В 1940 г. Бунин пишет рассказ «Зойка и Валерия», впоследствии помещенный им в центральную часть цикла «Темные аллеи». Главный герой этого рассказа – Левицкий – этнически и психологически близок Жуковскому. Первый же диалог в рассказе посвящен «вопросу крови», этнической принадлежности центрального персонажа. «Скромник» Левицкий оказывается носителем не только славянской, но и восточной – турецкой – крови. Именно этим доктор Данилевский объясняет основные черты характера Левицкого – застенчивость и влюбчивость: «Так что будьте осторожны, дамы и девицы, он турок и вовсе не такой скромник, как вы думаете. Да и влюбчив он, как вам известно, по-турецки»¹.

Скромность и влюбчивость, как известно, стали стереотипными характеристиками Жуковского. О щепетильном отношении Бунина к репутации «скромника» Жуковского мы узнаем из слов А.В. Бахраха: «но еще больше <...> Бунин ненавидел всех, кто мог посягать на репутацию “тишайшего” поэта»². «Тишайший поэт», – несомненно, цитата из книги Ю.И. Айхенвальда «Силуэты русских писателей» (1906), где говорится: «тишайший поэт русской литературы, благодушный и кроткий, Жуковский – представитель всяких признаний и покорности»³. К этому можно добавить полностью совпадающие характеристики одинокой, бездомной жизни «скромников». «По причине одиночества и влюбчивости, он (Левицкий. – Е.А.) постоянно привязывался к какому-нибудь знакомому дому, скоро становился в нем своим человеком, гостем изо дня в день и даже с утра до вечера, если позволяли занятия, – теперь стал он таким у Данилевских. И тут не только хозяйка, но даже дети, очень полная Зойка и ушастый Гришка, обращались с ним как с каким-нибудь дальним родственником. Был он с виду прост и добр, услужлив и неразговор-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1988. Т. 5. С. 317.

² Бахрах А.В. Указ. соч. С. 174.

³ Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 523.

чив, хотя с большой готовностью отзывался на всякое слово, обращенное к нему»¹.

О своей участи Жуковский пишет в дневнике 26 августа 1805 г. (поэту в это время было 22 года): «Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых, потому что я был перед ними выращен, но не видал родных, мне принадлежащих по праву; я привыкал отделять себя ото всех, потому что никто не принимал во мне особого участия и потому что всякое участие ко мне казалось мне милостию. Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем, не чувствовал ничьей любви»². О влюбчивости романтика ходило множество слухов, объектом поклонения называли то племянницу поэта М.А. Протасову, то великую княгиню Александру Федоровну, то восточную красавицу А.О. Смирнову-Россет, то фрейлину С.А. Самойлову. В «Зойке и Валерии» Данилевский, иронизируя над влюбчивостью Левицкого, придает своей фразе характерный для литературного и биографического сюжетов Жуковского рыцарский подтекст: «Кто теперь дама вашего широкого сердца?»³

Другим сюжетом, стереотипно ассоциирующимся в культурной памяти с образом Жуковского, была история любви поэта к своей родственнице М.А. Протасовой. Разница в возрасте Жуковского и Маши была точно такой же, как у Левицкого и Зойки, – десять лет (1783 и 1793 г.р. соответственно). Говоря о пробудившемся чувстве к М.А. Протасовой, Жуковский записывает в дневнике 9 июля 1805 г.: «Можно ли быть влюбленным в ребенка?»⁴ Бунин почти всегда точен в указаниях возраста. В «Зойке и Валерии» автор сообщает: «он (Левицкий. – Е.А.) перешел на пятый курс, ему было двадцать четыре года», «ей (Зойке. – Е.А.) было всего четырнадцать лет, но она

уже была очень развита телесно»¹. В качестве другого примера можно привести характерную особенность романа-автобиографии «Жизнь Арсеньева», где возраст героя точно соответствует возрасту самого Бунина в тот или иной период жизни. Например, Алексею Арсеньеву весной в год смерти Писарева, соединившейся с воспоминаниями о первой влюбленности, «шел всего шестнадцатый год». Самому Бунину весной 1885 г., когда умер А.И. Пушкин, ставший прототипом для Писарева, также было пятнадцать лет.

Тема возраста начинает еще более усиливаться и приобретает роковое звучание в рассказе «Дело корнета Елагина» (1925). В этом произведении мы также обнаруживаем немало связей с бунинской рецепцией наследия Жуковского и литературного мифа о нем. Именно к этому рассказу восходит мотивная и образная структура «Зойки и Валерии». В центре обоих рассказов проблема наследственности, взаимосвязи национальности, генетики человека, с одной стороны, и характера и судьбы – с другой. Так, Мария Сосновская характеризуется психической предрасположенностью к девиантному поведению, Елагин наделен целым рядом атавистических черт. В «Зойке и Валерии» Зойка – «очень полная», с признаками «какой-то мозговой болезни», Гришка – «ушастый» (ср. внимание к этой знаковой детали в рассказе «Петлистые уши»), нрав Левицкого полностью предопределен «восточной кровью» и т.д. Более того, семантика образа Елагина проясняется при сопоставлении его с созданным гораздо позднее образом Левицкого, а сами тексты, рассматриваемые в этой перспективе, выстраиваются в дублетную связку. Удивительно точно совпадает описание физического типа Левицкого и Елагина:

Левицкий

Елагин

Однажды, сидя так и с мешком поглядывая на Левицкого, на сухую худобу и некоторую гнущность его тела, на его слегка кривые ноги и впалый живот, на обтянутое тонкой кожей лицо в веснушках, ястребиные глаза и рыжие,

Ротмистр поднял изумленное и заспанное лицо: перед ним стоял его товарищ по полку, корнет Елагин, человек маленький, щуплый, рыжеватый и веснушчатый, на кривых и необыкновенно тонких ногах².

Как можно с легкостью относиться ко всему тому страшно сложному и трагическому, чем часто отличаются люди с резко вы-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. С. 316, 318.

² Там же. Т. 4. С. 402.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1988. Т. 5. С. 316.

² Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804-1833 гг. М., 2004. С. 26.

³ Укр. искреннего, настоящего.

⁴ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. С. 317. Тема рыцарства Левицкого поддерживается и историей его имени – Жорж, т.е. Георгий. Как известно, святой Георгий в католицизме считался покровителем рыцарей и рыцарских походов. По иронии Бунина, для романтически настроенного героя-рыцаря роковой становится встреча с Жизнью и Здоровьем – именно так переводятся имена Зойки и Валерии.

⁵ Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 13: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804-1833 гг. С. 15.

круто вьющиеся *волосы*, Данилевский сказал:

– А признайтесь, коллега: ведь есть в вас какая-нибудь восточная *кровь*, жидовская, например, или кавказская?¹

Эти характеристики легко принять за описание одного и того же человека. «Выраженная наследственность», «кровь» определяют характер и судьбу персонажей. Елагин, «вступив в связь с Сосновской, <...> утверждает в намерении покончить с собой»³, Левицкий после близости с Валерией кончает жизнь самоубийством.

Антропонимические аллюзии, вообще характерные для бунинского творчества, очень существенны в «Зойке и Валерии», где доктор, размышляющий о «восточной крови» Левицкого, носит фамилию *Данилевский*. Это сразу рождает аналогию с Н.Я. Данилевским, автором теории культурно-исторических типов. Герою своего автобиографического романа Алексею *Арсеньеву* Бунин дает родовую фамилию М.Ю. Лермонтова по материнской линии (по сути, поэт был воспитан своей бабушкой и крестной – Е.А. Арсеньевой), которую извлекает из текста, вынося в заглавие (ср. «Дело корнета *Елагина*»). «Лермонтовский текст» романа усиливается посещением Алексеем Арсеньевым Кроптовки, родового имени Лермонтовых. В романе также появляются два любопытных персонажа: *Александр Сергеевич* – веселый и легкомысленный человек, отец Алексея Арсеньева – и «несчастный» *Федор Михайлыч* – сосед Арсеньевых, отец «крутолобого, угрюмого» острожника, заключенного в Петропавловской крепости. Использование ассоциативных имен Лермонтова, Пушкина и Достоевского в родственном и соседском окружении бунинского автобиографического героя вполне сочетается с лейтмотивом писем, дневников и воспоминаний писателя о своей генетической и географической (а значит, и языковой) близости к русской литературной элите: «...замечательная местность, много славных земляков у нас с ним! Жуковский и Толстой – тульские, Тютчев, Лесков, Тургенев, Фет, братья Киреевские, братья Жемчужниковы – орловские, Анна Бунина и Полонский – рязанские, Коль-

раженной наследственностью <...> взгляните, сказал бы я прокурору, попристальнее и этого *рыжеватого, сутулого и тонконового* человека, и вы почти со страхом увидите, как далеко от незначительности это *вспушчатое лицо*².

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. С. 317.

² Там же. С. 412.

³ Там же. С. 413.

цов, Никитин, Гаршин, Писарев – воронежские... Даже и Пушкин с Лермонтовым отчасти наши, ибо их родичи, Воейковы и Арсеньевы, тоже из наших мест, из наших квасов, как говорят у нас»¹.

В этот же ономастический ряд можно поместить «жуковский табак», ставший характерной художественной деталью «Суходола», текста, ориентированного на мотивную и жанровую системы «первого русского романтика»². Литературоцентризм бунинской антропонимики показателен. На рубеже XIX–XX вв. писатель являлся едва ли не единственным русским литератором, стоящим вне каких-либо литературных кружков и группировок и исключаящим себя из всех новых школ и направлений. Одинокое положение Бунина среди современников дополняется его настойчивым желанием встроиться в цепь русских классиков, точнее, замкнуть ее. Дневники, письма, воспоминания, художественные произведения Бунина свидетельствуют о том, как остро он ощущал свою преемственность по отношению к русским писателям XIX в.

В этом контексте становится более понятной антропонимика «Дела корнета Елагина». Фамилия центрального персонажа, вынесенная автором в заглавие, рождает прямую ассоциацию с Жуковским и родом Буниных в целом. А.П. Елагина – племянница и близкий друг Жуковского, с которой поэт интенсивно переписывался всю свою жизнь³, конечно, была хорошо известна Бунину. В 1912 г. Бунин занялся изучением биографии и работ Киреевских – сыновей А.П. Елагиной (в девичестве Юшковой, по первому мужу – Киреевской). Об этом нам говорит его запись в дневнике от 7 июня 1912 г.: «<...> читал биографию <И.В.> Киреевского. Его мать – <Авдотья Петровна> Юшкова, внучка Бунина, отца Жуковского»⁴. Жуковский являлся также одним из важнейших действующих лиц в биографии И.В. Киреевского: и в качестве близкого родственника, посаженного отца на свадьбе, и в качестве литературного наставника, заступника после запрещения журнала

¹ Бунин И.А. К воспоминаниям о Толстом / Публ. Н.П. Смирнова // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 397.

² Подробнее об этом см.: Анисимова Е.Е. Жуковский и Бунин: эволюция образа зеркала в русской литературе XIX – начала XX вв. // В печати.

³ См.: *Переписка* В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э.М. Жиликовой. М., 2009.

⁴ *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. М., 2004. С. 176.

семейная мифология вырастает в литературную, поэтому для вопросов антропологической и литературной наследственности используется, по сути, один язык описания. Эпоха классической русской литературы осознается лауреатом Нобелевской премии как движение от своего предка «Василия Афанасьевича Бунина» к себе – Ивану Алексеевичу Бунину¹. Для писателя, всегда возвращавшего Жуковскому родовое имя Буниных, эта мысль становится неотъемлемой частью личной мифологии и определяет единство литературной идентичности и проблемы наследственности в авторской психологии и мотивной системе прозы.

---

¹ Идея определить границы литературной эпохи именами Жуковского и Бунина возникла не только у автора «Окаянных дней»: в 1952 г. в Нью-Йорке выходит антология А. Боголепова с характерным названием «Русская лирика от Жуковского до Бунина» (И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелев, Р. Дэвис. М., 2004. С. 390-391).